

революция, связанная с развитием информационных технологий, не означает прихода знаниевой революции, более того, что для общества, находящегося в состоянии «пост», знание как раз и является одной из основных проблем.

Литература:

1. Бодрийяр, Ж. Симулякри і симуляція / Ж. Бодрийяр. – Київ: ОСНОВИ, 2004.
2. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000.
3. Иванов, Д.В. Виртуализация общества / Д.В. Иванов. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
4. Леонов, А.М. Познание сложности. Введение в философию х-науки / А.М. Леонов. – Якутск, 2002.
5. Лиотар, Ж.Ф. Состояние постмодерна / Ж.Ф. Лиотар. – СПб., Алетейя, 1998.
6. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.; Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц / М.Фуко. – М.: Касталь, 1996.

СИТУАЦИИ ИНВЕКТИВЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИНТЕРАКЦИЯХ: НАМЕРЕНИЕ ИЛИ НЕДОРАЗУМЕНИЕ?

С.Г. Мысык, г. Одесса, Украина

1. Инвективой называют «культурный феномен социальной дискредитации субъекта посредством адресованного ему текста, а также устойчивый языковой оборот, воспринимающийся в той или иной культурной традиции в качестве оскорбительного для своего адресата. Механизмом инвективы, как правило, выступает моделирование ситуации нарушения культурных требований со стороны адресата инвективы, выхода его индивидуального поступка за пределы очерчиваемой конкретно-национальной культурой поведенческой нормы независимо от степени реальности и в целом реалистичности обвинения». [1, с. С.420-422] Инвективита рассматривается как один из механизмов замещения реального насилия вербальной моделью агрессии в пределах реализации какого-либо социально или культурно значимого дискурса.

2. С когнитивной точки зрения дискурс можно рассматривать как реализацию определенных субъективных ситуативных моделей коммуникации. Субъективные ситуативные модели коммуникации, согласно Т. ван Дейку, не только отражают знания о конкретных событиях, но также убеждения и мысли (оценочные суждения). Они составляют референциальный базис для интерпретации дискурса, а не фрагментов реального мира или ситуаций и представляют собой интегрированные

структуры предшествующего опыта людей [2, с.164]. Таким образом, об инвективах можно говорить как о субъективных ситуативных моделях коммуникации как минимум двух акторов: адресанта и адресата, которые зависят от их социо-культурно-коммуниктивного опыта и даже имеют габитуальный характер.

3. Коммуникативную инвективу можно рассматривать с точки зрения теории речевых актов. В связи с ее социо-культурно-коммуниктивной значимостью речевой инвективе как разновидности речевого акта присуща определенная иллокутивная сила. Иллокутивные акты, согласно Дж. Серлю, имеют различия в выраженных психологических состояниях. «Производя любой иллокутивный акт с некоторым пропозициональным содержанием, говорящий выражает некоторое свое отношение, состояние и т.п., которое касается этого пропозиционального содержания» [3, с.174]. Один и тот же вербальный акт может выступать, например, или как просьба, или как совет, или как оскорбление. То есть внеязыковые и внелогическое предопределенные (посредством социокультурных либо правовых институтов) установки влияют на статус участников коммуникативной ситуации.

4. Отношение или реакция на действия других предполагает определенную направленность речевого акта (его интенциональность). Иначе говоря, за любым иллокутивным выражением стоит определенное намерение адресанта, и распознавание намерения является задачей адресата. Особенно это касается инвективы, поскольку она выражает непосредственное отношение к адресату или его поступкам. То есть адресант может заранее знать цель, дабы тот, кому направлен данный речевой акт, почувствовал обиду. Чтобы интенция инвективы, если таковая является изначальной, достигла цели (и при этом не была «сказана в лоб»), автор высказывания тактически интерпретирует и корректирует сообщение в соответствии с первичным замыслом, который впрочем может изменяться в процессе развития коммуникативной ситуации.

5. Называя акты оскорбления простыми императивами, Ю. Хабермас отмечает, что они часто имеют двойственный характер. Они могут быть нормативно скрытыми, скажем выражать моральное осуждение. Однако они могут перлокутивно выделяться, служить, например для того, чтобы запугать адресата и вызвать у него ужас [4, с.58]. Поэтому инвективное намерение для своей релевантности также требует интеракции решения проблемы, каким образом планы действия многих деятелей могут быть скоординированы друг с другом так, чтобы действия Alter присоединялись к действиям Ego. Иначе говоря, перед нами встает требование интерсубъективности, т.е. вовлечение структур общности, обеспечивающих возможность одинакового понимания и общей значимости речевых выражений.

6. Мы имеем общую коммуникативную ситуацию (модель) xIy (где x высказывает какое-либо суждение (осуществляет речевой акт), которое определенным образом содержит образа I для y). Для достижения цели здесь могут иметь место такие ситуативные модели:

а. Сам смысл высказывания (его лексико-семантическое, коннотативное наполнение) является употребляемым именно для обиды. То есть это некая устоявшаяся для языково-культурной группы, прежде всего, лексическая инвектива. Если x имеет целью определенным образом дискредитировать личность y или какой-то его поступок, он выстраивает речевой акт с учетом инвективных ресурсов данного естественного языка и социокультурной среды, с учетом, что это конкретное высказывание будет воспринято именно как обидное, унижающее достоинство и т.д. Здесь мы имеем дело с открытым намерением. Иллокутивная сила заключается именно в речевых характеристиках выражения и имеет запланированный перлокутивный эффект.

б. Ситуация открытой критики (объективной или субъективной), хотя и не содержащая открытой инвективы, тоже может стать причиной обиды. Здесь возникает проблема своеобразного самооправдания, сохранения собственного субъективного мира. Мы можем назвать это «катастрофой в интеракции».

в. Смысл высказывания может не содержать никакой эксплицитной инвективы, однако быть направленным на упрек и соответственно восприниматься адресатом как оскорбление и вызвать ответную реакцию в адрес отправителя. Таким образом интенциональность относительно одного и того же высказывания различна для x и y . Субъективная коммуникативная модель остается именно субъективной. Инвектива тогда становится следствием недоразумения. Перлокутивный эффект здесь имеет субъективный характер.

г. Ситуация предвзятости предполагает наличие у адресанта определенных социо-культурно-коммуникативных установок иерархических конфигураций мыслей, которые разделяются обществом, присущих той или иной социальной группе. В данных ситуациях могут иметь место как намерение, так и недоразумение. Имеющиеся коммуникативные ситуации, возникающие между представителями различных социальных или этнокультурных групп могут оцениваться как негативные посредством определенных предубеждений, неприятия. Представители определенной социальной группы могут описываться как угрожающие нормам, ценностям, интересам, безопасности или благополучию другой группы. В отдельных случаях такое описание может содержать открытое инвективное намерение. В других – инвектива может появиться через неопределенность, незнание (скажем, этно- или социокультурная предвзятость).

е. Наконец, можно отметить ситуативную модель слухов (сплетен) или неискренних высказываний. Здесь сама нерелевантность высказываний действительному положению дел является основанием для возникновения инвективы. Особенно категоричность сомнительных высказываний (или таких, которые возникли из-за различных недоразумений во взаимоотношениях) по конкретным персоналиям может стать достаточным основанием для обиды.

Таким образом, коммуникативная инвектива в значительной степени зависит от субъективных коммуникативных ситуаций. Моделирование конкретных ситуаций опирается на интенциональные установки участников речевых актов. Фактор интерсубъективности является своеобразным модератором между инвективой как коммуникативным намерением и инвективой как коммуникативным недоразумением. ...

Литература:

1. Можейко, М.А. Инвектива / М.А. Можейко // Новейший философский словарь. – Минск: Книжный дом, 2001.
2. Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Дейк. – М.: Прогресс, 1989.
3. Сёрль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1989.
4. Габермас, Ю. Порстметафізичне мислення / Ю. Габермас. – К.: Дух і літера, 2011.

ВЛАСТЬ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

В.Т. Новиков, г. Минск, Беларусь

При попытке определения власти мы встречаемся с ситуацией плюрализма дефиниций, обусловленной существованием различных интерпретаций данного феномена, которые, тем не менее, можно дифференцировать в зависимости от исторической формы и характера развития самой философии – классической или постклассической.

Так, типичное для античной, средневековой и новоевропейской мысли философское понимание власти, представленное в работах Платона, Аристотеля, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Дж. Локка, М. Вебера характеризует власть как способность и возможность социального субъекта осуществлять свою волю, используя различные ресурсы и технологии (авторитет, силу, традиции, закон и др.). В классической философской интерпретации власть наделяется следующими атрибутами:

а) инструментальной природой, в соответствии с которой власть рассматривается лишь как средство, особый инструмент для достижения цели. Власть, тем самым, ценна лишь постольку, поскольку способствует реализации потребностей субъекта;